

Есть слова, настолько затёртые, что использовать их для обозначения самоопределения всерьёз как-то неудобно. Многие ли педагоги, тем более политики, менеджеры, даже журналисты, могут описать свои занятия как «социальное творчество»? Слышится в этом словосочетании что-то юношеское, идеалистическое, незрелое... Но создание сообществ, изобретение совместности —



Социальное творчество: к определению понятия

Семён Ермаков,

философ, педагог,
кандидат философских наук,
доцент Сибирского
федерального университета,
директор КР МОУ «Сибирский Дом»,
Красноярск,
sibdirektor@yandex.ru

это и есть «социальное творчество», так давайте прямо говорить об этом. Семён Ермаков, который практически учит своих учеников (если это слово тут ещё применимо) социальному творчеству, показывает, как оно может быть целью педагогических и организационных действий. Как для этого нужно понимать место и роль «социального творчества» в повседневной жизни людей, даже и т. н. «нетворческих» профессий.

Абстрактно можно определить социальное творчество как такую деятельность, результатом которой являются новые социальные ситуации, новые формы взаимодействия между людьми.

Можно различать уровни социального творчества:

— *спонтанный*, когда возникшая ситуация умирает вместе с действием и не имеет продолжения;

— *продуктивный*, когда ситуация создаётся именно ради продолжения, и этой ситуацией решается проблема, которая прежде не могла быть решена;

— *рефлексивный*, когда вместе с ситуацией появляется способ, каким эта ситуация может быть создана снова при необходимости;

— *символический*, когда образ ситуации и образ нового способа облекается в форму культурного образа, в произведение, в котором читатель (зритель) может увидеть себя и возможность своего действия.

Можно было бы обосновать это определение чисто теоретически, обращаясь к общим смыслам *социального* и *творчества*. Мы поступим иначе — сперва обозначим круг смыслов, связанных с этими понятиями, а затем покажем, какие новые смыслы, новые возможности для понимания и для действия создаются соединением этих смыслов.

Мы исходим из того, что *социальное* — это всегда про взаимодействие между людьми и про ситуации, которые случаются в этом взаимодействии.

Социальным действием, в этом смысле, может быть и общение с кондуктором, и приглашение друзей в гости, и создание семьи... Может быть, если отвлечься от того, ради какого результата это действие совершается (если оно вообще совершается ради какого-то результата), и сосредоточиться на том, какая форма отношений между людьми производится или воспроизводится.

Творчество же — это всегда про создание чего-то нового, чего прежде не существовало (по крайней мере, не существовало здесь, сейчас, в подобных обстоятельствах).

В этом смысле ребёнок, который впервые *срисовывает* машинку или *обводит* буквы в прописи — действует *творчески*, поскольку *он никогда раньше этого не делал*, он не просто «осваивает способ», а воплощает его буквально в своём теле. Другое дело,

что повторяемое в третий, десятый, сотый раз, он действует *репродуктивно*, если только, как каллиграфы, не находит смысл в точном воспроизведении очень сложной (почти невозможной для воспроизведения) формы.

Но это абстрактное определение, как и всякое другое, требует пояснения — не столько примерами, сколько указанием на возможность появления нового благодаря этому определению. Это связано даже не столько с практическим интересом к конкретным социальным проектам, которые могут быть развёрнуты под флагом *социального творчества*; дело ещё и в специфике гуманитарных наук, гуманитарных практик и проектов, которая заставляет быть осторожным в теоретических построениях.

Действительность социального действия — может быть, в куда большей степени, чем действительность, с которой имеет дело инженер, биолог, даже преподаватель — представляет собой непрерывный поток событий. Из этого потока тем более невозможно выйти, что каждый человек, в том числе исследователь и теоретик, пытающийся её осмыслить, остаётся в социальной действительности.

Всякое деление социальной действительности на ситуации, события, отношения, взаимодействие может казаться произвольным. Исследователь, проводящий мысленные разграничения и различия, рискует оказаться ни с чем, кроме своих различий, изучать не действительность, а собственные идеи и соображения по поводу этой действительности.

Всякий раз поэтому, вводя новое понятие, мы должны отдавать себе отчёт в том, с какой целью это делается, и помнить о двух опасностях.

Во-первых, есть риск придумать новые слова для уже давно известных явлений, которые не дают, в конечном итоге, ничего, кроме нового способа говорить. Например, говоря о социальном творчестве, не имеем ли мы в виду стремление, в общем-то естественное для взрослеющего человека, делать что-то важное не только для себя, быть значимым, быть признанным или хотя бы просто обращать на себя внимание? Например, в этом смысле и подросток, провоцирующий учительницу на конфликт, и подросток, добровольно берущийся помогать родителям, занимаются социальным творчеством, поскольку каждый

Социальное творчество: к определению понятия

из них в этот момент действительно создаёт какую-то новую ситуацию. Стоит ли множить понятия для того, чтобы по-новому называть знакомые вещи?..

Во-вторых, есть риск сконструировать пустое понятие, которое может, конечно, иметь какой-то теоретический смысл, но не соответствовать ничему реальному. О несуществующем объекте можно утверждать всё что угодно — всё равно нет никакого способа проверить эти утверждения. Стоит ли тогда тратить время?..

Мы заведомо избегаем этих опасностей, если понятие вводится для того, чтобы иметь возможность *помыслить* — и за счёт этого спроектировать и осуществить — то, чего ещё нет, но должно появиться.

Спонтанное социальное творчество мы действительно встречаем часто, особенно в подростковой среде: подросток как бы *испытывает* возможности и границы существующих отношений и взаимодействий, создавая пограничные ситуации. Опыт этих действий, пока подросток импровизирует, превращается, скорее, в общее ощущение того, что социальное пространство каким-то образом *устроено*, что существуют границы и *не всё можно*. Тех же, кто не перестаёт импровизировать в отношениях, став формально взрослыми, называют *вечными подростками*.

Тем самым приобретённый им опыт — отрицательный, ограничивающий, что неплохо, если идёт речь о действительных границах, но одновременно лишает человека умения действовать в непривычных ситуациях, часто — на всю жизнь. Следовательно: способность к социальному творчеству (спонтанно появляющаяся и исчезающая по мере взросления) становится необходимой именно в ситуациях, когда готовые образцы и стереотипы отношений «не работают». Прежде всего, для тех, кто непрерывно сталкивается или имеет шанс столкнуться с *новым* (мы не будем здесь перечислять профессиональные занятия, требующие такой способности, их достаточно много).

С другой стороны, что за добродетель — вечно повторять выученные стереотипы отношений, даже если в этом нет никакой особенной необходимости?

Оставим в стороне философский тезис о том, что *развитие присуще природе человека*; обратим внимание

на одну из самых массовых социальных практик — семью.

Психологи и психотерапевты, работающие с семейными отношениями, обнаружили, что молодые люди, только начинающие семейную жизнь, с завидным, достойным более продуктивного применением упорством воспроизводят наименее эффективные (и, может быть, потому наиболее навязчивые) стереотипы поведения своих родителей. Иначе говоря, принимая что-то в поисках счастья, они чрезвычайно эффективно делают несчастными себя и окружающих! И прежде всего за счёт того, что уже не умеют пробовать и импровизировать. Заметим, что большинство подходов семейной психотерапии связано с тем, чтобы дать возможность супругам взглянуть на свою семейную жизнь по-новому, начать импровизировать... Но это продуктивное социальное творчество психотерапевта, а почему бы молодым людям не делать всё самим, с самого начала?..

В эпоху, когда вся жизнь держалась на способности масс людей повторять выработанные предками способы действия, ещё более — в эпоху конвейерного производства способность к многократному повторению одного и того же действия действительно представляла собой заслугу; но даже тогда считалось, что переносить эту заслугу на организацию жизни в целом — как-то чересчур. В представлении многих религий, например, считалось, что ад — это необходимость *вечно* повторять одно и то же действие; именно эта необходимость сама по себе и есть причина адского страдания.

В последние же десятилетия мы наблюдаем странную картину: чем больше творчества требует мир профессиональной деятельности (переходящий, например, от конвейера к штучной сборке, культивирующий индивидуальный подход к клиенту), тем более стереотипным и простым становится поведение человека «в жизни», там, где он предоставлен сам себе. И эти стереотипы уже невозможно объяснить традицией: обстоятельства жизни меняются, и прежние решения становятся неэффективными, а то и вредными.

Следовательно, формирование способности к социальному творчеству становится уже не только профессиональной потребностью; можно предположить, что в ближайшее вре-

мя это будет осознано как социальная потребность. И тогда встанет вопрос об эффективных способах, помогающих подростку перейти от спонтанного социального творчества к продуктивному, а взрослому — вспомнить себя подростком и научиться социальному творчеству заново.

Пока же — остаётся возможность для исследований и экспериментов.